

Анна Немеровская

Музыка детства

Эту историю я никому никогда не рассказывал. Мы с мамой избегали этой темы...
А теперь вот захотелось рассказать. Повидимому, старею...

В начале 1953 года мне исполнилось семь лет. В сентябре прошлого года, в шесть с половиной, меня в школу не приняли, хотя я уже умел читать, писать и считать. В школе сказали, что можно пойти в РОНО (Районный отдел народного образования) и получить разрешение от них, но мама не стала добиваться.

Я был совершенно самостоятельным пацаном – сам ходил в музыкальную школу и в библиотеку, недалеко от дома. Родители мои были образованные, начитанные, интересные люди. Они играли в городском театре, которому были преданны всей душой. Не на главных ролях, но и не в массовке, скажем, в среднем эшелоне.

Жили мы в центре города, в старинном 3-этажном густонаселенном доме.

Коммуналка на 9 семей на втором этаже, туалет в конце коридора. Нам принадлежали две комнаты. Первая казалась небольшой из-за огромного рояля, занимавшего полкомнаты. Другую половину отделял шифоньер, стоящий торцом к стене. В этой второй половине находились стол со стульями, книжный шкаф и родительская кровать. На задней стороне шифоньера кнопками была приколоты карта мира, которую я очень любил разглядывать. (Впрочем, кому сейчас интересны эти трогательные для меня мелочи детства?...)

Вторая комнатка была маленькая, метров шесть – она была моя. Обе комнаты были очень светлые, огромные окна выходили на главный проспект города.

Самой ценной вещью в доме был рояль. Папа рассказывал, какой он знаменитый, старинный, таких в мире осталось всего несколько, какие великие музыканты играли на нем, стоил он, наверно, каких-то немислимых денег... Но я, к сожалению, все эти детали не запомнил и в свое время не записал. Дети устремлены в будущее, и прошлое их не интересует, тем более прошлое какого-то рояля – предмета домашней обстановки.

Жили очень скромно.

Вечером родители уходили на работу в театр, я оставался один. Темноты я не боялся. Темнота была не крошечная – в мое большое окно заглядывали и луна, и уличные фонари. А за стеной были соседи, которые разговаривали, вздыхали, кряхтели, потом затихали. Ночь приносила с собой тишину. И еще я был не один – со мной на кровати лежал мой игрушечный пёс с традиционным именем Бобик. Дети часто одушевляют свои любимые игрушки, рассказывают им свои секреты – спасаются от детского одиночества. Вот и у меня был придуманный мной "говорящий" песик.

- Ну все, Бобик, пора спать, - говорил я ему и выключал свет.
- А можно я прыгну к тебе на кровать? – говорил я писклявым голосом за него.
- Если у тебя грязные лапы, ты испачкаешь постель, и мама будет недовольна.
- Я помою свои лапки, - обещал Бобик, – а потом залезу к тебе.

Наконец, обняв Бобика, я спокойно засыпал. Не слышал, когда полночь приходили родители.

Дверь в наши комнаты не запиралась, если кто-то был дома. А на ночь, пока не пришли родители, тем более. Что, если мне захочется в конец коридора? Под кроватью стоял мой горшочек, который папа очень смешно называл "ночная ваза", но я – взрослый парень – им не пользовался.

Вот теперь можно переходить к рассказу.

В этот вечер все было, как обычно. Родители ушли, я дочитал книжку, поговорил с Бобиком, выключил лампу на прикроватной тумбочке. И вдруг я услышал тихие шаги по коридору в нашу сторону. Перед нашей дверью шаги затихли (может, этот кто-то прислушивался?), потом тихонько открылась дверь, и человек вошел в комнату.

«Может, это мама почему-то вернулась? – подумал я тогда, – Нет, это не мама, она обычно тихо шепчет: "Левушка, ты спишь?"»

Шаги приближались к роялю. Мне было страшно, но ужас был не таким леденящим, не слишком жутким, не парализующим. Я еще мог размышлять. (Может, меня морально поддерживал Бобик?...) Я думал, если он (почему-то считал, что это мужчина) подойдет ко мне, я смогу ударить его по голове толстой книжкой сказок в твердой обложке, которая лежит у меня на тумбочке, а потом быстро соскочить с кровати и с громким криком выбежать в коридор. А там меня услышат соседи и спасут – так я рассуждал в тот момент. Но человек и не думал заходить ко мне в комнату. Он тихонько открыл крышку рояля и дотронулся до клавиш. Полилась нежная, тихая музыка. Помню, как я, семилетний ребенок, блаженствовал.

*О, только музыкой -
Не словами -
Всколыхнулась
Земная твердь.
Звуки поплыли
Над головами,
Вкрадчивые,
Как смерть... **

Я не знаю, что чувствуют люди в состоянии медитации, поэтому не могу сравнить. Я бы описал это состояние как окутывающую меня божественную нежность.

Он закончил играть, тихо опустил крышку рояля, тихо вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Его шагов не было слышно...

Утром я был тих и печален. Мама даже спросила меня, как я себя чувствую, и потрогала мой лоб.

Вечером, после ухода родителей, я не читал – ждал ночного гостя. Я боялся и хотел его прихода одновременно. Я хотел слышать его музыку. И Он опять пришел и играл... для меня...

*И звуки начали
Души нежить.
И зов любви
Нарастал.
И небыль, нечисть,
Ненависть, нежить
Бежали,
Как от креста. **

И приходил каждую ночь, кроме тех дней, когда родители были дома.

Маму очень волновало мое задумчивое состояние, и она, конечно, сумела вытянуть из меня, в чем причина.

– Я останусь с тобой на ночь.

– Нет, нет, мамочка, тогда Он не придет. И не сыграет мне. Он же не бандит. Наверное, у него дома нет рояля, ему негде играть, а хочется. Вот Он и приходит поиграть. Тебе же не жалко, пусть играет. Мамочка, пожалуйста, не спугни его...

Так продолжалось недели три. Каждое утро мама спрашивала меня: "Музыкант приходил?"

"Да", – отвечал я радостно.

Папа считал, что это у меня просто буйная фантазия, и я слышу то, что сам сочиняю, и что это с возрастом пройдет. "Вот пойдет в школу, там – новые друзья, новые заботы, новая информация и даже новые фантазии, которые, в свою очередь, сменятся другими". Но мама переживала. Мы стали придумывать разные хитрости. Как-то мама оставила на рояле на салфеточке бокал с водой. Утром мы придирчиво разглядывали уровень воды в

бокале. Мама изменений не видела, а мне казалось, что воды стало самую чуточку меньше. Другой раз мы повесили на дверную ручку красную ниточку. Утром ниточка была на полу. Но ведь мама с папой пришли после двенадцати, вот и скинули ниточку.

Мама пошла к соседке.

– Марья Семеновна, Левочка говорит мне, что поздно вечером он слышит очень красивую музыку. А вы слышите?

– Нет, моя милая, я принимаю снотворное и сразу засыпаю, иногда просыпаюсь к пяти, когда утренние трамваи зазвенят, или в шесть, когда гимн по радио исполняют.

Упоминание о вечно включенном у всех соседей радио немного успокоило маму.

– Наверное, это где-то этажом выше или ниже передают концерт классической музыки. Везде тихо, вот ты и слышишь музыку.

– А почему ее не слышно, если вы с папой дома? И еще, я же слышу шаги.

Ой-ой-ой! Зачем я сказал о шагах! Мама спокойно воспринимала моего одушевленного Бобика, но шагов взрослого ночного музыканта она испугалась.

Мама сказала, что не может играть спектакли – все время думает обо мне. Она взяла меня с собой в театр. Посадили меня в суфлерскую будку к милому старичку Борису Марковичу. Там было довольно просторно, поместилось для меня и старое кресло, в котором я сидел, поджав ноги. Смотреть спектакль с участием родителей было интересно.

– *Балабус геиторбн***, – вдруг неожиданно в антракте сказал Борис Маркович.

Я ничего не понял.

– А это хорошо или плохо? – на всякий случай спросил я, потому что не хотел признаваться.

– Конечно, – старичок хитро сощурился, и было опять не понятно – его "конечно" имеет знак плюс или минус.

– А откуда вы знаете? – опять схитрил я.

– Я... почувствовал.

Дальше уточнять я не стал – во-первых, хотелось спать, а во-вторых, я все время думал о Музыканте. Дверь закрыта на ключ. Он не сможет войти, не сможет играть. Потом Он обидится и больше не придет, не будет играть для меня волшебную, чарующую музыку... Он будет играть где-нибудь в другом месте, не для меня...

Потом несколько дней мама была дома. Потом случилось трагическое событие для всего советского народа – умер Сталин. Все остальные проблемы стали мелкими и незначительными. Музыкант не приходил, может, переживал, а может, был занят, играя в оркестре трагические реквиемы или бурную, тревожную музыку...

*И будто древних богов
Ропот,
И будто дальний
Набат,
И будто все
Великаны Европы
Шевельнулись
В своих гробах. **

Быстро пролетела весна. На лето меня отправили в деревню. Там рояля не было... Когда мама приезжала навестить меня, я спрашивал ее с надеждой, приходил ли Музыкант. Увы...

Потом я пошел в школу. Музыкальную школу я еле-еле дотянул до 7 класса и бросил. Хотя слушать музыку я любил необычайно, но учиться играть не было желания. Играть лучше Музыканта я все равно не смогу. И вообще я не планировал связывать свое будущее с исполнительством.

Прошло много лет, но те необыкновенные звуки живут в моей памяти до сих пор.

Это не было сном, я четко слышал все шорохи и звуки в затихающей коммуналке.

Это не был реальный человек, я никогда не слышал его удаляющихся шагов, он как бы растворялся после того, как осторожно закрывал за собой дверь.

К старости я из атеиста превратился в агностика. И теперь легко фантазирую. Особенно мне нравится развивать сюжет о моем Музыканте.

Это, конечно, говорил я себе, было привидение бедного Музыканта, учителя прелестной, но ветреной девушки. Они жили на свете много лет тому назад, а может, и веков. И Он играл ей на этом рояле. Но она посмеялась над ним и исчезла из его жизни навсегда. Душа его находила покой только в музыке. Вот Он и приходил ко мне играть на своем любимом старом рояле.

Мне нравится такое объяснение...

=====

* Стихи Михаила Анчарова.

=====

** *Балабус гешторбн* – Хозяин умер (идиш)